

Н. В. Багичева

Екатеринбург, Россия

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью или быть сказкой? («Семейная» метафора и менталитет)

Аннотация. Рассматривается ментальность народа, населяющего Россию. Анализируются метафора родства, отношение человека к семье, браку, потому что связи с окружающим миром происходят по отраженным в сознании человека схемам родственных отношений. Для русского менталитета традиционным является сравнение Родины с матерью, царя, представителя верховной государственной власти – с отцом. Отмечается, что «простому человеку» в России не хватает чувства самостоятельности и ответственности. В статье есть обращения к историческому прошлому народа, которые подтверждают особенности менталитета россиян.

Ключевые слова: метафоры родства; мифологические воззрения на жизнь; менталитет; концепт; отец; мать; Родина-мать.

N.V. Bagicheva

Ekaterinburg, Russia

**Are we Born to Make a Dream Come True or True a Dream?
("Family" Metaphor and Mentality)**

Abstract. Mentality of people living in Russia is described in the article. The author analyzes metaphors of relationship, attitude to family, marriage, because connections with the surrounding world are realized via models of family relationships reflected in the mind. For Russian mentality it is typical to compare Motherland with the mother, Tsar is often compared with the father. It is stated that an "ordinary person" in Russia lacks the feeling of independence and responsibility. There are references to the past in the article which prove these peculiarities of the Russian mentality.

Key words: metaphors of relationship; mythological views on life; mentality; concept; father; mother; Motherland.

«Не только в степенях гражданского образования, в обычаях и нравах, в душевных силах и способностях ума, – писал Н.М. Карамзин, – но и в самых телесных свойствах видим такое различие между народами, что остроумнейший писатель XVIII века, Вольтер, не хотел верить их общему происхождению от единого корня или племени» [Карамзин 1988: 46]. Со времен Карамзина наука и само время не раз меняли союз *не только..., но и ...* в этой фразе на *как..., так и ...; и ..., и ...*, выходя на новые грани познания.

В переломные периоды истории (так, в нашу «эпоху этнического ренессанса» [Карасик 2005: 5]) особенно остро встает вопрос самоидентификации нации, этноса: «Постоянно задается риторический вопрос: кто мы такие и кем должны быть, чтобы оставаться самими собой. Иными словами, речь идет о том, какова наша ментальность, или, употребляя более старинное и точное выражение, каков «умственный и духовный строй народа» (В.К. Кантор).

Термины *ментальность*, *менталитет*, *концепт* весьма прочно обосновались в трудах по когнитивной лингвистике. Всеми лингвистами и философами признается тот факт, что «менталитет и концептосфера тесно связаны и взаимодействуют в пределах мышления» [Попова, Стернин 2001: 67]. Однако не только и не столько этот факт будоражит умы лингвистов и философов, сколько желание найти ответ на вопрос, может ли ментальность тормозить определенные новации, если они не соответствуют ее «архетипам», или же, напротив, легитимировать те или иные начинания, давать им «духовную санкцию» (А.С. Панарин). Другими словами, «если мы признаем, что существуют культурные различия и они фиксируются в языке, то получается, что язык определенным образом влияет на поведение людей» [Карасик 2005: 20].

А.Я.Гуревич, основатель историко-антропологического направления в отечественной философии, отмечая многообразие аспектов, изучая которые, можно воссоздать картину мира, выделяет наряду с пониманием места человека в об-

щей структуре мироздания отношение к женщине, роль брака и семьи, сексуальную мораль и практику (Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология).

К концептам, на которых «замешивается» ментальность, относится концепт «семья». Эта лексическая группа «является одной из важнейших в словарном фонде языка» (О.Н. Трубачев) и, добавим, одной из древнейших. Замечательно об этом сказал поэт: *Костер из зверя выжег человека И сплавил кровью первую семью* (М.Волошин). Как нам представляется, если мы проанализируем метафору родства, отталкиваясь от терминологии родства как сферы-донора, то мы сможем проследить «обратную связь» мышления. Кто в этом мире позаботится о нас, кто не предаст, на кого можно положиться? Что в этом мире мы помечаем как свой близкий круг, в каком пространстве нам живется комфортно, как происходит освоение этого пространства хотя бы ментально? При ответе на эти вопросы одними из первых вербализаторов станут термины родства. Установление связи с окружающим миром происходит по отраженным в сознании человека схемам родственных отношений: *Олег сел княжить в Киев и сказал: «Это будет мать русским городам»* [Соловьев 1989: 34]. Такими схемами являются метафоры [Чудинов 2001: 39], в нашем случае – метафоры родства. Корни метафоры родства уходят в мифологическое прошлое народа и имеют биологическое обоснование.

Действительно, среди всех живых существ только люди сознают свою родословную, и сознают ее раньше всего. Категории родства («мать», «дядя», «бабушка», «брат», «сестра», «отец», «дед» и т.д.) – первые полноценные понятия, употребляемые людьми. Только люди знают и классифицируют родственные отношения. Это знание существует издревле и не теряет смысла, покуда человек остается человеком. Оно является предпосылкой представления о том, что *Homo sapiens* – это не просто биологический вид, но семья народов, преемственный род человеческий.

Можно выделить идущие с древности три простейших нравственно-социальных требования, которые разделяются во все эпохи всеми представителями вида *Homo sapiens*: во-первых, абсолютный запрет на кровосмешительство; во-

вторых, абсолютный запрет на убийство соплеменника (в дальнейшем – сородича, близкого); в-третьих, требование поддержания жизни (прокормления) любого из соплеменников, независимо от его физической приспособленности к жизни. Ср.: *Каждый был доволен; каждый целовал святой крест, говорят: да будет земля Русская общим для нас отечеством, а кто восстанет на брата, на того мы все восстанем. Добрый народ радовался согласию своих государей, которые обнялись братски и разъехались друзьями* [Карамзин 1988: 161]. Развитая мораль не отменяет ни одного из этих древнейших нравственных требований. Простейшие нравственные запреты образуют незабываемый фундамент, на котором строится все многообразие более поздних моральных ценностей и норм: *Сонмы изветников, если не всегда награждаемых, то всегда свободных от наказания за ложь и клевету, стремились к царским палатам из домов боярских и хижин, из монастырей и церквей: слуги доносили на господ, иноки, попы, дьячки, просвирицы – на людей всякого звания, – самые жены – на мужей, самые дети – на отцов, к ужасу человечества!* [Карамзин 1988: 702].

Мифологические воззрения на жизнь связаны с деревом жизни, которое чаще всего соотносится с женским плодотворяющим началом. Оно произрастает из тела матери-земли, пронизывая ее корнями. Мифологическое дерево жизни превратилось в символ генеалогии рода – родословное дерево, чьи корни принадлежат предкам. Родословное дерево демонстрирует связь поколений. Божеством нарождающихся людей долгое время считался Род, с которым соотносилось представление о происхождении людей от одного первопредка [Шуклин 1995: 171]. Считается, что с того момента, как возникло представление о мифическом первопредке, стала возможной идея равенства в сыновности и братстве.

Казалось бы, ответ на заданный выше вопрос однозначен: бытие определяет сознание. Однако *Отечество со-бытьями богато: Ведь сколько раз, не сомневаясь, шли Отец – на сына, младший брат – на брата Во имя братства будущей земли* (Я. Смеляков). История нашего государства, по словам Н.М. Карамзина, «не роман и мир не сад,

где все должно быть приятно». До нас дошли свидетельства того, что брат убивал брата (Борис и Глеб), отец продавал своих детей в голодные годы, мать умертвляла новорожденную дочь, если семейство было многочисленным и т.п.

Память народа о прошлом и есть менталитет. Однако это не только *свидетельства* историков, это и *вымыслы* историков, своеобразная корректировка произошедшего: вместо *так было* – *так должно быть*. В истории бывало всякое, но мы всегда помним, как должно быть. Концепт не константа. Концепт обладает изменчивостью, это не только память, но и живое сознание, которое, выраженное в языке, может менять исход дела или хотя бы представление о нем. История расширяет пределы нашего бытия, ментальность расширяет пределы нашего сознания до уровня концепта.

«История, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примесь лжи; однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется, и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях» (Н.М. Карамзин). *Примесь лжи* – что это? Может, наращивание смысла за счет изменившейся ментальности, что, в свою очередь, возникает из-за корректировки восприятия действительности существующих в сознании представлений «*как должно быть*»? Получается, что менталитет (и особенно языковой) – это своеобразная память народа о прошлом, закрепленная в языке (*только в языке? и в языке?*) и корректируемая языком «психологическая доминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах не исключая катастрофических» (И.К. Пантин).

Для русского менталитета является традиционным метафорическое сопоставление России, Родины, земли, рек и т.п. с матерью (*Волга-матушка, мать – сыра земля*, а после возникновения государственности – *мать Россия*): *Уж и есть за что, Русь могучая, Полюбить тебя, Назвать матерью, Стать за честь твою Против недруга, За тебя в нужде Сложить голову!* (И.С.Никитин «Русь»); *Ты одна у меня, как Россия, милосердная русская мать* (Я.Смеяков); – *Эх ты, эсесерша наша мать!* – кричал в радости один забвенный мужик, показывая ухватку и хлопая себя по пузу, щекам и

рту (А. Платонов). Носители языка приходятся Родине сыновьями, дочерьми (*сын Земли, дочь страны*). Это происходит по той причине, что все слова, обозначающие родство, обладают очень яркими ассоциативными семами: мать – *любящая, самая родная и любимая, не способная предать свое дитя*; отец – *заботящийся о материальном достатке семьи, защищающий членов своей семьи, глава семьи* и т.п. Поэтому издревле в один ряд ставятся мать и родная земля: *Тогда киевляне послали сказать Святославу: «Ты, князь, ищешь чужой земли и берешь ее, а до своей тебе и дела нет; нас чуть было не взяли печенеги: видно, тебе не жаль родной земли, ни матери-старухи, ни детей»* [Соловьев 1989: 34]; ср. также в пословицах: *Родная сторона – мать, чужая – мачеха*.

Г.Д. Гачев отмечает одну интересную особенность русского менталитета (Космо-Психо-Логоса): «Как эллинская Гея рождает себе Урана-небо, который ей сын, и супруг, так и мать-сыра земля Россия рождает русский народ, который ей и сын, и муж» [Гачев 1995: 217]. Лики *сестры и матери, весталки и блудницы (М. Волошин)* соединяются не только в облике женщины, но и матери, но и Родины-матери. Отражение этого находим в литературе: *Как женщину, ты родину любил, Свои труды, надежды, помышленья Ты отдал ей; ты честные сердца Ей покорял. Взывая к жизни новой, И светлый рай, и перлы для венца Готовил ты любовнице суровой (Н. Некрасов); Как невесту, Родину мы любим, бережем, как ласковую мать (В. Лебедев-Кумач); Сестра и мать моя! Жена моя! Россия! (К. Бальмонт); Русь – Сама себе мать и дитя, И судья, и творец, и палач (Л. Ладейщикова)*. В России, по утверждению Г.Д. Гачева, женское начало обслуживается двумя мужскими – народом и Государством. Государство символизировали государственные деятели, начиная с *царя-батюшки*. Ср. зафиксированное в летописях: *Мономах спешил также благодеяниями человеколюбивого законодательства утвердить свое право на имя отца нашего родного* [Карамзин 1988: 171]. В русской мифологии также, помимо семейных предков, почитался родоначальник первобытного коллектива – царь, являвшийся мифическим воплощением единства рода.

«Простому человеку» в России недостает глубокого чувства своей самостоятельности и ответственности. Точку опоры политической воли россиянин склонен выносить во-вне, связывая ее с верховной государственной властью – зовись она царской, партийной, президентской, все равно.

В «Истории государства Российского» при описании событий конца XVI века Россия представлена *сиротой*, лишившейся *отца* – царя (*именуя его не царем, но **отцом чадолюбивым***) и возлагающей надежды на *мать* – царицу: *Слезы лилися; но и чиновники и граждане, подобно боярам, с живейшим усердием клялись в верности к любимой **царице-матери**, которая еще **спасала Россию от сиротства** совершенного; И в то самое мгновение, по данному знаку, все бесчисленное множество людей, в келиях, в ограде, вне монастыря, упало на колена с воплем неслышанным: все требовали **царя, отца, Бориса!*** [Карамзин 1988: 683].

В эпохи социальных потрясений, сопровождающихся сменой правительств, и сама Россия – *сирота, вдова*: – *Охаживай, ребята, наше царство-государство: она **незамужняя!*** – *Она **девка иль вдова?*** – *спросил на ходу танца окрестный гость (А.Платонов «Чевенгур»); Государство наше – **вдова** слишком самолюбивая и крутая (Ю.Галкин, В.Стеценко); То ли **жена Россия**, то ль **вдовица**. Куда ни глянь – хозяйской нет руки: Худая кровля, капает водица В пустые миски – впору выть с тоски (Л. Савинская).*

В настоящее время «семейный» статус России неясен, однако она по-прежнему является матерью в сознании большинства россиян. Ситуация не нова, такое уже было в начале прошлого века: *От этой **России** временами хотелось бежать без оглядки. Но редко кто на это решался. Ведь **нищенку мать** любят и в горьком ее унижении (К.Паустовский).* Наше сознание пытается найти достойного отца народу и мужа стране. После царя-батюшки, «учителя, друга, отца» Ленина (который как-то сразу трансформировался в *дедушку Ленина*) и «отца народов» Сталина место рядом с матерью Россией вакантно. Ни один советский лидер не был определен концептуально как достойный отец («рулила» в стране партия). Как тут не вспомнить А.С. Гри-

боедова: *Где, укажите нам, **отечества отцы**, Которых мы должны принять за образцы?*

Каким образом будет развиваться ситуация? Во всяком случае сценарий в общественном сознании, зафиксированный как опыт, уже имеется: *В пятницу, 17 февраля, открылась в Кремле дума земская, или государственный собор ... Казалось, что все ждали одного: **как сироты**, найти скорее отца – **и знали, в ком его искать*** [Карамзин 1988: 680]. Успех политических и социальных преобразований в стране зависит и от того, кто возглавит семью (то есть принесет материальный достаток), как к нему будут относиться дети – граждане страны, насколько комфортно будет в семье чувствовать каждый из его членов. В данном случае, несомненно, ментальностью конструируется реальность.

Как тонко заметил Н.М. Карамзин, народы любят историю. Добавим: народы любят поправлять и прогнозировать историю согласно своим представлениям (исторической памяти) о том, как должно быть, чтобы было не стыдно предъять потомкам или оправдать перед современниками: *И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина* [Карамзин 1988: 32].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. – М.: Академия, 1995. – 420 с.
2. Карамзин Н.М. Предания веков / сост., вступ. ст. Г.П.Макогоненко; комм. Г.П. Макогоненко и М.В.Иванова; – Ил. В.В.Лукашова. – М.: Правда, 1988. – 768 с.
3. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. Иная ментальность. – М.: Гнозис, 2005.–352 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – 191 с.
5. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России / сост. и вступ. ст. С.С. Дмитриева; Комм. С.С. Дмитриева и Л.П. Дойниковой; Илл. В.В. Лукашова. – М.: Правда, 1989. – 768 с.
6. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-

2000): монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.

7. Шуклин В.В. Мифы русского народа. – Екатеринбург, 1995. – 308 с.

© Багичева Н.В., 2008